

Звучащие ландшафты музыкального фольклора старожилов Русского Устья

Барвара Егоровна Дьяконова,
Лия Ивановна Кардашевская

(Арктический государственный институт культуры и искусств:
Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4)

Аннотация. В статье делается попытка осмысления концепции звучащего ландшафта Арктики на материале музыкального фольклора русских старожилов, проживающих в селе Русское Устье Аллаиховского района Якутии. В частности, в музыкальном фольклоре русскоустыинцев впервые выявлены два интонационных слоя звучащего ландшафта Арктики. Первый из них — слой интонационного взаимодействия с природой — представлен в лирических, плясовых песнях, частушках. В лирических песнях раскрываются интонационные портреты явлений природы (деревьев, рек). Восхваление природной стихии — реки — представлено в плясовых песнях. Тема холода появляется в лирических песнях и частушках, выявляя тем самым особенности не только звучащего, но и культурного ландшафта. В интересных и редких примерах андыльцин — лирических песен-диалогов между юношей и девушкой, появившихся вследствие межэтнических контактов с юкагирами — проявления звучащего ландшафта связаны с употреблением диминутивов («бистраночка», «камушек»). Второй слой звучащего ландшафта Арктики — проецирование общественного и личного в человеке вовне — сохраняет воспоминания русскоустыинцев о культурном ландшафте метрополии, своей далекой родины. Он выражен в исчезающих былинных напевах, сохранившихся исторических песнях, в которых всплывают образы-воспоминания о событиях русско-казанской войны XVI в., эпохи Смутного времени конца XVI — начала XVII в., войны со шведами XVIII в. и т.д., а также в редких примерах календарных песен. Необходимо отметить особенный, «шаркающий» («досельный») говор русскоустыинцев, который выделяет звучащий ландшафт Русского Устья из всей арктической территории и делает его уникальным.

Статья основана на полевых материалах авторов, записанных в 2014 г., и научной литературе.

Ключевые слова: звучащий ландшафт Арктики, Русское Устье, русские старожилы, музыкальный фольклор, андыльцина.

Дата поступления статьи: 24 января 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Дьяконова В. Е., Кардашевская Л. И. Звучащие ландшафты музыкального фольклора старожилов Русского Устья // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 31–44.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.1.003>

Концепция звучащего ландшафта Арктики — современная музыковедческая теория. Понятие «звуковой ландшафт»

впервые появилось в работах М. Шейфера и обозначало «окружающую нас акустическую среду» [Шейфер 1976, 5]. Позднее

ученые начали рассматривать звуковой ландшафт в разных аспектах: в культурологическом [Андреева 2000; Крехалева 2012], экологическом [Веденин, Кулешова 2001; Веденин 2020], этнокультурном [Калуцков 2008] и др. Исследователи Ю.И. Шейкин, О.Э. Добжанская и В.С. Никифорова соотносят звучащий ландшафт с этническим и рассматривают его в рамках музыкально-фольклорной традиции народов Арктики. Они определяют звучащий ландшафт Арктики как «пространственно-временной комплекс природных и антропогенных звуков, являющихся материально-духовными знаками определенной территории, имеющими этнокультурный смысл и создающими звуковой образ территории, содержательно ценный для населяющих ее народов...» [Шейкин и др. 2016, 32–37]. В нем выделяются три интонационных слоя:

— слой интонационного взаимодействия с природой — диалог между человеком и природой, включающий в себя восприятие природы и «разговор» с природой. С одной стороны, это чуткое внимание к «голосам природы» и понимание смысла звуковых посланий, с другой — ответная реплика человека, которая адекватна «языку» природы (так как человек надеется, что его ответная реплика будет понята природой);

— слой, связанный с проецированием общественного и личного в человеке вовне (создание «собственного» человеческого звучащего ландшафта, который является органической частью природного ландшафта и «вписан» в окружающую природу). Антропогенный звучащий ландшафт гармоничен с окружающим природным ландшафтом. Он с помощью звуковых проявлений утверждает пребывание человека в природном ландшафте (например, громкая песня в дороге), фиксирует воспоминания об освоении различных ландшафтов в прошлом (эпическое интонирование), помогает путешествиям в сакральном пространстве (шаманство, религиозные обряды);

— слой имитационных фоноинструментов, связанный с изготовлением звуковых орудий для звукового общения с природой. Этот слой родственен первому, однако отличается от него тем, что зафиксирован в материальных объектах, благодаря чему в культуре возникает особая материальная среда [Там же, 30].

В данной статье мы попытаемся выявить слои звучащего ландшафта Арктики в традиционной культуре представителей субэтнической группы русского народа — русских старожилов Якутии, проживающих в с. Русское Устье.

Звуковая картина мира русских старожилов устья реки Индигирки формировалась в условиях арктического ландшафта с его суровыми природными и климатическими условиями, низкой температурой, преобладанием зимнего пейзажа со снежным и ледяным покровами бескрайней тундры и кормилицы реки Индигирки, многочисленных озер, обособленностью от внешнего мира, частыми контактами с культурой аборигенов. Окружающее звуковое пространство заполнено своеобразными, изменяющимися со сменой времени года звуками природы: завыванием ветра (пурги, метели, вьюги), едва различимым гудением северного сияния долгими зимними вечерами, шумом весеннего ледохода, надоедливым писклявым жужжанием комариной стаи скоротечным летом, треска замерзающего озерного льда осенью, голосами птиц и зверей (куропаток, чаек, уток, песцов и др.) и т.п.

Село Русское Устье Аллаиховского района Якутии является уникальным заповедным местом на Крайнем Севере, где проживают представители субэтнической группы русского народа — русско-устыинцы (в настоящее время — около 130 человек). Селение расположено в отдалении от районного центра п. Чокурдах на левом берегу Индигирки, в 80 км от Ледовитого океана [Русские старожилы Якутии 2011]. Природный ландшафт на сотни километров состоит из протоков, болот и тундры.

Существует несколько версий появления русских старожилов в Якутии. В 1914 г. ссыльный эсер В.М. Зензинов, который жил среди русскоустыинцев, писал, что у них живо предание о некоторых новгородцах, которые в XVI в. целыми семьями ушли по морю на восток, вдоль побережья Северного Ледовитого океана, когда Великий Новгород после 1570 г. потерял независимость [Зензинов 2013, 16–17]. Однако, вероятнее всего, считают исследователи, это поселение сформировалось позже, в 1638 г., когда русский землепроходец Иван Ребров заложил в устье Индигирки два острога.

О жизни и культуре русских старожилов написано немало трудов: «Старинные люди у холодного океана» В.М. Зензинова (1914, переиздана в 2013), «Потомки русских землепроходцев» А.Л. Биркенгофа (1972), «Фольклор Русского Устья» (1986) и др. Известный писатель-краевед А.Г. Чикачев, коренной русскоустыинец, оставил ценные сведения о родной земле в монографиях и статьях «Русские на Индигирке» (1990), «Русские арктические старожилы Якутии» (2002), «Диалектный словарь Русского Устья» (2005) и др.

Впервые о Русском Устье писал в 1739 г. в своих рапортах в Адмиралтейство коллегию лейтенант Д. Лаптев [Чикачев 2007, 17].

Первые записи фольклора от русских старожилов низовья Индигирки были сделаны во второй половине XIX в. политссылным, русским революционером и ученым И.А. Худяковым. Будучи в ссылке в Верхоянске, в 1868 г. он записал у уроженца Русского Устья несколько текстов эпического фольклора русских старожилов (8 сказок, 2 былины), а также песенных¹ и заговорно-заклинательных текстов [Русская эпическая поэзия 1991, 28; Кляус, Супруга 2006, 39; Чикачев 2007, 100]. В 1912 г. политссылный эсер В.М. Зензинов записал тексты 11 необрядовых песен, одну былинку, 2 легенды, подробно описал свадебный обряд [Зензинов 2013].

С первой половины XX в. начали проводиться специальные комплексные экспедиции по изучению традиционного быта, языка, материального наследия и фольклора потомков русских старожилов в с. Русское Устье. В 1928 г. там побывала этнографическая экспедиция братьев Н.Д.

и Д.Д. Травиных. В их рукописях приведены тексты 6 песен, 5 былин, духовных стихов, 50 загадок, 4 пословицы, 10 сказок, 12 свадебных песен с описанием обряда свадьбы, словарь русскоустыинского говора. В 1931 г., работая в составе Индигирской экспедиции Наркомводтранса СССР, А.Л. Биркенгоф записал 11 загадок, 5 поговорок, 31 народную примету [Кузьмичёва 1998а, 2]. В различные годы русскоустыинский фольклор записывали М.А. Кротов (1931), С.И. Боло² (1941), Т.А. Шуб, Н.М. Алексеев, Н.А. Габышев (1946)³, И.С. Гурвич (1952), В.И. Зоркин, В.Д. Осипова (1973), С.Н. Абзелев, Ю.Н. Дьяконова (1977)⁴, Ю.И. Смирнов (1982, 1985), Е.И. Шастина (1983), Т.С. Шенталинская (1985), Н.С. Берестов (1990), Л.Н. Скрыбыкина, О.И. Чарина и др.⁵

В 1986 г. ИРЛИ РАН (Пушкинским Домом) был издан труд «Фольклор Русского Устья» под редакцией С.Н. Азбелева, Н.А. Мещерского [Фольклор Русского Устья 1986], в котором приведены тексты исторических песен, баллад, традиционной лирики, плясовых и хороводных песен и др. Песенные образцы в сборнике изданы без нотного сопровождения.

Исследованием фольклора русских старожилов занимается О.И. Чарина, которая в составе экспедиции Института гуманитарных исследований ЯНЦ в 2001 г. посетила старожилов Аллаиховского улуса, а в 2005 г. изучала фольклор старожилов Нижнеколымского улуса Якутии. Ученый делает вывод, что своеобразное устное народное творчество старожилов тесно связано с фольклором аборигенного населения [Чарина 2013, 2017, 2019].

В 2014 г. авторы данной статьи приняли участие в музыкально-этнографической

¹ «Небольшой отрывок из исторической песни о Милославском» [Фольклор Русского Устья 1986, 9].

² «В 1941 г. якутский фольклорист С.И. Боло записал в Русском Устье 10 сказок, несколько песен и десятки частушек» [Кузьмичёва 1998б, 2].

³ «Весной 1946 г. была организована Индигирская этнографическая экспедиция Научно-исследовательского института языка, литературы, истории при Совете Министров ЯАССР в составе трех человек: Т.А. Шуб (руководитель), Н.М. Алексеев (этнограф) и Н.А. Габышев (учитель русского языка). Ими записано 11 былин, 65 сказок, 68 песен и много загадок, пословиц и поговорок» [Кузьмичёва 1998б, 2].

⁴ С.Н. Абзелевым и Ю.Н. Дьяконовой было записано «12 сказок и иных образцов народной прозы, 16 песен, 3 баллады, 125 частушек, 18 загадок, пословицы, детский фольклор, бытовые мемораты, воспоминания о свадебном обряде, гаданья, пиметы и др. (материал хранится в Рукописном отделе ИРЛИ, р. V, колл. 267, п. 1)» [Фольклор Русского Устья 1986, 12].

⁵ «В 1960-е и в 1978 г. в Русское Устье выезжали экспедиции студентов Якутского государственного университета под руководством М.Ф. Дружининой. Записано 10 песен, 23 частушки, 3 сказки, 30 загадок» [Кузьмичёва 1998б, 2].

экспедиции в Аллаиховский район Республики Саха (Якутия) (п. Чокурдах, с. Русское Устье) по проекту «Изучение музыкального фольклора народов Арктики и потомков русских старожилов Якутии». Фольклорные записи, сделанные в ходе экспедиции, показали богатую жанровую палитру песенного репертуара потомков русских старожилов на устье реки Индигирки. Это календарные, лирические, исторические, шуточные, плясовые, вечерочные, детские песни, частушки, городской жестокий романс, песни ссыльных и тюремные песни, а также образцы жанра, возникшего в результате творческих контактов с юкагирами, — андыльщины. Так, несколько песен, сказок, загадок и поговорок были записаны у носителей фольклора русскоустыинцев Варвары Серафимовны Осмельченко (1939 г.р.), Евдокии Серафимовны Киселёвой (1938 г.р., урож. с. Русское Устье) и Юлии Гавриловны Кузьмичёвой (1938 г.р.). С укладом жизни, народными костюмами и фольклором своих предков нас познакомили У.С. Шахова, П.А. Ефимова (1938 г.р.), П.А. Черёмкин (1941 г.р.), Т.К. Суздальова (1955 г.р.), Н.П. Киселёва (1966 г.р.) и др. Большая часть музыкального материала была записана от ансамбля «Русскоустыинцы» (руководитель — С.И. Ровкина).

Важно отметить характерную особенность русскоустыинцев — «шаркающий», так называемый «досельный» говор, характерный для севернорусского наречия. В беседе Ю.Г. Кузьмичёвой с Е.С. Киселёвой нами были замечены такие старинные слова, как «шелонник» (юго-западный ветер), «сызнаково» (сначала), «були» (были), «баять» (рассказывать) и др. [ПМДиК 2014].

В текстах песен будут заметны отхождения от норм орфографии и грамматики. Это связано с привнесением в речь жителей Русского Устья многих диалектных явлений — новгородского говора, «аканья», фрикативного произношения согласного *г*, мягкого *т* в конце глаголов, <...> разнодиалектные речевые черты здесь так до сих пор и не переплавились в единый монолитный говор» [Фольклор Русского Устья 1986, 6].

Рассмотрим примеры песен, относимые нами к **слою интонационного**

взаимодействия с природой по концепции звучащего ландшафта.

Коренным населением низовий Индигирки до прихода русских были юкагиры и частично эвены (ламуты). Позже, в XVIII в., туда пришли тунгусы и якуты. Контакты этих народов, в том числе смешанные браки с представителями коренного населения, существенно сказались на хозяйственном укладе и культуре русских старожилов. Как отмечает О.И. Чарина, «...в Якутии проблемы сохранения и развития русского фольклора старожилов связаны с взаимодействием языка и фольклора местных этносов» [Чарина 2014, 110]. Русские старожилы научились у коренных жителей охотиться, рыбачить, коптить и подсушивать рыбу. Одежда и обувь также заимствовались у аборигенов.

Интересным и редким для Севера примером влияния фольклора аборигенного населения является такой жанр, как андыльщина. Это любовная песня-диалог юноши и девушки. Андыльщина поется протяжно, с мелодическими подголосками, «с неожиданными переходами тонов, с бесконечными повторениями и новыми отступлениями от общей музыкальной темы» [Богораз 1921, 26]. Название жанра «андыльщина» происходит от юкагирского слова «адыл» — юноша [Там же].

К данному жанру можно отнести песню «Бурунгильских⁶ шерот камень⁷» (пример 1), которая была записана от исполнителей фольклорного ансамбля «Русскоустыинцы» в п. Чокурдах. Участники этого коллектива стараются сохранить истинный русскоустыинский говор и исполняют песни на старинном диалекте. Одной из характерных черт андыльщин является употребление уменьшительно-ласкательных слов, как, например, «бистраночка».

Пример 1. Бурунгильских шерот камень

Ой, да бурунгильскот шерот камень,
Ой, да над бистраначкой стаит.
Ой, да, над бистраначкой стаит да,
Ой, да, мама, моё сонсо гарадит.
Ой, да, как са шеровото сакамушка,
Ой, да коко испареннё поннёлош,
Ой, да испареннё от тово да,
Ой, да, мама, болит шерсо у ниво.

⁶ Бурульгин — селение на р. Индигирке [Шенталинская 2019, 277].

⁷ Камень — гора [Там же].

Медленно ♩ = 55

Ой, да бу-рун-гиль-скот ше-рот ка-мень, ой, да над бис-тра-нач-
кой ста-ит. Ой, да, над бис-тра-нач - кой ста-ит да,
ой, да, ма - ма мо - ё сон - со га - ра - дит.

Ой, да бурунгильскот шерот камень,
Ой, да стаит на либежжих на ногах,
Ой, да на либежжих на нагах да,
Ой, да, мама, на шех северных витрах
[Дьяконова, Кардашевская 2014, 16].

В данном нотном примере видим переменный метр, который присутствует в каждой короткой двутактовой попевке. Плавное восходяще-нисходящее движение мелодии в широком амбигусе октавы передает движение волн «бистраночки»⁸. В песне воспевается одиноко стоящая на берегу быстрой реки серая гора, которая наделена человеческими качествами («болит шерсо (сердце) у него», «стоит на... ногах»). Как пишет Т. С. Шенталинская, «...серый камень... — поэтический символ, словно помогающий найти дорогу к сердцу любимого, любимой» [Шенталинская 2019, 271]. В песне воплотилось интонационное восприятие природы человеком. Оно передается через плавное мелодическое движение, показывающее движение волн реки, а также повторение одного звука в окончании фраз, которое соотносится с неподвижностью камня.

Следующий пример — песня частушечного типа о кормилице-реке «Россоха», исполняемая в скором темпе (пример 2). Частушку в ней выдает ритмическое подчеркивание, ритмические акценты, имеющие в данном жанре особое значение, а также единое начало строк и использование припева на слогах «та-та», «чида-та», создающих своеобразный словесный «аккомпанемент». Песню «Россоха» можно назвать песней-восхвалением и отнести к одному из уровней **слоя интонационного взаимодействия с природой**. Но при этом она не становится таким гимническим песнопением, как якутский *алгыс* или эвенкийский *хирэ, алга*, которые исполняются торжественно, величественно, в особом регистре и определенной тембровой звукоподаче.

Пример 2. Россоха

Россоха, Россоха, мая да,
Россоха чужая старана да.
Та-та, чида-та, та чида.
Россоха, Россоха мая да,
Россоха ни мало дала-да.

Быстро ♩ = 120

Рос - со - ха, Рос - со - ха, ма - я да, Рос-со - ха чу - жа - я ста-ра-на да
та - та, чи - да - та, та чи - да, та - та, чи - да - та, та чи - да.

⁸ *Бистраночка* — быстрина, русло реки с быстрым течением [Шенталинская 2019, 277].

Та-та, чида-та, та чида.
 Россоха, Россоха мая да,
 Россоха пушнину дала да.
 Та-та, чида-та, та чида
 Россоха, Россоха мая да,
 Россоха нивесту дала да.
 Та-та, чида-та, та чида
 [Дьяконова, Кардашевская 2014, 18].

Взаимодействие с природным окружением в фольклоре русских старожилов отражается также в текстах лирических, плясовых песен. Так, например, в некоторых песнях воспеваются красота природы, ее рек: в песне «Я сидела, Ивановна» строки «любовалась, красовалась вшой дубравой зеленой», «глядела и смотрела вдоль по Яне по реке» передают безмятежность, спокойствие созерцающего человека [Там же]; в плясовой песне про реку Индигирку передается любовь к реке и благодарность ей за улов («Индигирка, Индигирка, река благоданная, чибе рыбка попадает на продукты данная») [Фольклор Русского Устья 1986, 285].

Картины неизбежности зимы и холода встречаем в фольклорных текстах, записанных исследователями С. И. Боло, Н. А. Габышевым, Н. И. Алексеевым, Т. А. Шубом от русскоустыинцев в 1946 г., в которых передаются настроения печали и тоски:

Ох ви, шнеги, ох ви, белые,
 За что ви рано падали
 На матушку на сыру-зенлю?
 Ох ти, мышка, мышка серая,
 Ох ти, девка, девка красная,
 На что ты, девка, плакала,
 Понапрасну девка, девка плакала,
 Со милым дружкой расставалася,
 Расставалася, не простилася
 [Там же, 263].

В звучащем ландшафте русских старожилов, несомненно, присутствуют звукоподражания как часть слоя взаимодействия с природой. Хотя этот пласт и не был зафиксирован нами и другими исследователями, можно уверенно говорить о его наличии, учитывая многовековые тесные контакты русскоустыинцев с соседними народами — якутами, эвенями, юкагирами — прирожденными охотниками, в фольклоре которых этот пласт представлен богатейшим многообразием сигналов, имитаций, тембровых слов и т.п., тем более что в низовьях

реки Индигирки кроме рыбы водится водоплавающая дичь, дикий олень, лось и др. Есть сведения об охоте русских старожилов на оленей, весной и осенью мигрировавших через крупные реки. Считается, что данный вид промысловой деятельности «был заимствован русскими у аборигенов Сибири» [Каменецкая 1986, 345].

Обратим внимание на песни, которые можно отнести к следующему слою, выделяемому в концепции звучащего ландшафта, связанному с проецированием общественного и личного в человеке во вне. Для него характерны многочисленные исторические песни, сохранившиеся в памяти русскоустыинцев.

Песня «Парень девушку уговаривал», которая была записана В. М. Зензиновым «в местечке вверх Индигирки» у «мещанина Адриана Баньшикова и его тещи старухи» [Зензинов 2013, 118]. Текст песни содержит следующие строки:

— Пойдем, девушка, в Казань городок,
 Казань городочек прекрасно стоит.
 — Чего врешь, молодчик, врешь —
 обманываешь меня,
 Казань городочек во костях стоит,
 Казань да речушка кровью протекла,
 А мелкие ручеечки горячими слезьми,
 По бережку камешки — буйные головы,
 Буйные головушки молодецкия
 И все офицерския
 [Там же 2013, 118].

Эта песня была зафиксирована нами от участниц ансамбля «Русскоустыинцы», начиналась она со слов «Соловей кукушечку уговаривал» (пример 3). В ней повествуется об исторических событиях времен русско-казанских войн. Песня построена на многократном вопросно-ответном повторении двух фраз с переменным метром и соответствует определению андальщины как любовной песни-диалога юноши и девушки. В данном варианте происходит диалог между соловьем и кукушкой.

Пример 3. Соловей кукушечку уговаривал

Салавей кукушечку уговаровол:
 «Палечим, кукушечка, к нам во сырой
 бор,
 Палечим, кукушечка, к нам во сырой
 бор,
 Во сыром борочке гнездишко совьём,

Медленно ♩ = 45

Во сыром борочке гнездишко совьём,
Виведём из гнездишка малых детушок.
Виведём из гнездишка малых детушок,
Чибек-ка, кукушечку, мне салавья». Салавей кукушечку угаваровол:
«Палечим, кукушечка, в Казань-городок.

Палечим, кукушечка, в Казань-городок
Казань-городочик на краше стаит.
Казань-городочик на краше стаит,
Казанская реченька медом прачикла.
Казанская реченька медом прачикла,
Мелки ручиёчички — сладкой воточкой.
Мелки ручиёчички — сладкой воточкой.
По бережку камушки разноцветныя».

— «Вреш ты, вреш, малочик, вреш,
амановош,

Сама красна-девица в Казани булла.
Сама красна-девица в Казани булла,
В Казани булла я, Казань видяла.
В Казани булла я, Казань видяла,
Казань-городочик на кашчах стаит.
Казань-городочик на кашчах стаит,
Казанская реченька кровью прачикла.
Казанская реченька кровью прачикла,
Мелки ручиёчички — гарачьми шлизми.
Мелки ручиёчички — гарачьми шлизми,
По бережку камушки — буйны головы.
По бережку камушки — буйны головы,
Буйны головушки маладеския.
Буйны головушки маладеския,
Маладеския да вше салдаския»
[Дьяконова, Кардашевская 2014, 11].

Можно предположить, что мелодия записанной нами песни подвергалась значительным изменениям, так как она не ложится под более ранний текст, записанный Зензиновым без нотировки. Переменность метра, характерная для этой песни, соответствует высказыванию В. Богораза, что «андыщина не требует ни рифмы, ни размера... составление ее представляет полный простор выражению индивидуального чувства...» [Богораз 1901, 175].

Предполагают, что эта песня была сложена еще в XVI в. Такое длительное ее бытование исследователи В. П. Кругляшова, О. А. Климова, авторы статьи «К истории изучения и бытования песни "Соловей кукушечку угаваривал"», объясняют тем, что песня имеет традиционный сюжет, богатое многоплановое содержание (исторический сюжет, связанный с народной философией), ей присуща высокая художественность [Кругляшова, Климова 1977]. В этой статье приводятся разные варианты текстов этой песни (без нотировок), которые имеют большие отличия. Два варианта рассматриваемой песни уже с нотировками даются в сборнике «Русские народные песни Забайкалья» [Дорофеев 1989, 340, 356]. Их тексты схожи с русскоустыинским вариантом песни, но мелодика и ритм сильно отличаются. Так, в забайкальском двухголосном варианте с. Надейно обращает на себя внимание маршевое начало с пунктирным ритмом и широкие скачки на септиму [Там же, 340].

Фрагмент эпической песни «Шилён-богатырь» (пример 4) был также напет участницами ансамбля «Русскоустыинцы» (исполнительницы полного текста были не помнят).

Пример 4. Шилён-богатырь

На небе радилса швечёл мешас,
На жемле радилса шилён багатыр!
Шинёе моро взволновалоша,
А на крутия берега заливалоша!
Белая рыба испужалаша,
А на глубокия борозды жбиралаша!
На небе радилса швечёл мешас,
На жемле радилса Шилён багатыр!
[Дьяконова, Кардашевская 2014, 17].

Во второй половине XX в. нотировка этого эпического напева была выполнена Т. С. Шенталинской и зафиксирована под названием «Суровец» (песня была

Умеренно ♩ = 55

На не-бе ра-дил - са шве-чёл ме-шас, на жем-ле ра-дил - са Ши-
лён - ба-га-тырь! Ши - нё - ё мо-ро взвол-но - ва - ло - ша,
а на кру-ты - я бе-ре-га за-ли-ва - ло - ша.

записана исследователем от информанта А. Н. Щелкановой). Приведем наиболее полный текст и нотировку образца, записанного исследователем:

На небе родился швечёл месяц,
(эс) На земле родился шилён богатырь,
На земле родился шилён богатырь.
Шинёе море взволновалош`а
А на крутые берега солливалаш`а.
Белая рыба испугалаш`а
А на глубокия борозды жбиралаш`а
На глубокия борозды жбиралаш`а <...>
[Русская эпическая поэзия 1991, 153–154].

Т. С. Шенталинская отмечает сходство этого напева «с политекстовым напевом из сборника КД (Кириши Данилова. — В. Д., Л. К.), а кроме того, композиционно-ритмически и интонационно <он> близок известной песне волжской вольницы “Что пониже было города Саратова”» [Русская эпическая поэзия 1991, 54].

Мелодии приведенных вариантов одной песни очень схожи, только в современном варианте исполнения эпического напева наблюдается более четкая ритмическая организация музыкальной строки, нежели в фольклорном образце, зафиксированном во второй половине XX в.

♩ = 68 Внушительно

1. На не-бе ро-ди-лса шве-тёл ме-сец,
5 Э(с) на жем-ле ро-ди-лш`а ши-лён бо-га-тырь.
10 На жем-ле ро-ди-лш`а ши-лён бо-га-тырь.
14 2. Ши - нё - е мо-ро взвол-но - ва - ло - ш`а,
18 А на кру-ты - я бе-ре-га со(л)-ли-ва - ло - ш`а...

В песне обращают на себя внимание измененные слова, связанные с говором старожилов: «швечёл» — светел, «шилён» — силён, «шинее» — синее и т.п.

Некогда популярной у русскоустынцев была историческая песня о полководце эпохи Смутного времени князе Михаиле Скопине-Шуйском. Сейчас ее исполняют прозаически, мелодика забыта. Историческая песня «Скопин просит помощи у шведского короля» была записана и нотирована Т. С. Шенталинской от старожила Индигирки, известного сказителя Е. С. Киселева (1921 г.р.) [Русская эпическая поэзия 1991, 329–330]. В этой книге даны тексты с нотами еще трех эпических напевов, записанных от старожилов Индигирки «Старинна песня про Данилушку» [Там же, 133–136], «Суровец» (напоминаемый нами выше) [Там же, 153–154] и «Фёдор Колыческой и Мельфа-Софья Волховница» [Там же, 222–223].

Обратим внимание на еще один пример исторической песни. Это солдатская песня, повествующая о Петре I и войне со шведами.

Пример 5. Песня о Петре

Туча с громом прагримела,
Тринни ровно доджик лил,
Эх!
Нам прияжал гош незданной,
Знаменитой восподин!
Он, радимой пред палками
Шизым соколом литал
Эх!
Сам ружжом салдаским правил,
Сам он пушки заражал! [Дьяконова,
Кардашевская 2014, 8].

В ней отмечаются мелодические и слогоритмические особенности, характерные для петровских кантов. Это фанфарные интонации (начало строки с мажорной терции), мерная шаговая основа. Все

речевые ударения совпадают с сильным временем такта. Внутрислоговая распевность проявляется попевками из трех звуков, посредством которых раскрыты лишь некоторые слоги. Обращают на себя внимание измененные говором старожилов слова: «доджик» — дождик, «гош» — гость, «восподин» — господин и т.п.

Календарная песня «Виноградье» (пример 6), записанная нами от ансамбля «Русскоустынцы», — единственный пример из фольклорного обрядового материала напетый нам старожилами.

По мнению исследователей, песни с припевом «виноградие красно-зеленое» изначально относились к свадебному обряду (величальные), а затем перешли в разряд колядных [Чичеров 1948, 1957; Пропп 1963]. На Русском Севере в конце XIX — начале XX вв. бытовали различные виды «виноградий» — песни молодежных рождественских вечеринок, свадебные величальные песни и др. «Виноградие» русскоустынцев относится к календарным песням святочного обхода дворов.

Пример 6. Виноградие

Прикажи судар хажаин виноградиё
шпеч-да,
Виноградиё красно-жилённое да.
А ми ходим рибеты винограчики,
Виноградиё красно-жилённое да.
А ми ищом, поищом восподина ва
дваре да,
Виноградиё красно-жилённое да.
Васпадина ва дваре да на шеми витрах да,
На шеми сталбах да,
Виноградиё красно-жилённое да.
Наш хажаин ва даму, как адам ва яру да,
Виноградиё красно-жилённое да.
Хажаяшка ва даму да, как аладинка
миду да,
Виноградиё красно-жилённое да.
Нас хажаин адарил да, залатым
ершченём да,

$\text{♩} = 0,58$

5 Ту-ча с гро - мом пра-гри-ме - ла трин - ни ров-но дож-жик лил, Эх!

К нам при-е - хал гош нез- дан - ной зна - ме-ни-той вос-по-дин.

Оживленно ♩ = 100

Виноградиё красно-жилённё да.
 Малы детушки дарили алым бархатом да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 А ми першчень тот важдем да, на вине
 рпапъём да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 А ми бархат тот важдем да, нем кафтаны
 нашъём да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Ми кафтаны че важдем да, да на игрище
 пайдём да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Нам кафтан короток да, я в нём веш
 передрог да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Ты хажаин с хажашкой
 пашевеливойчеш да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Пашевеливайчеш да, паварачивайчеш да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Ты хажаин с хажайкой падавай пирага да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Не падаш пирага да, атварай варата да,
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Виноградиё красно-жилённё да.
 Виноградиё красно-жилённё да
 [Дьяконова, Кардашевская 2014, 14].

В данном примере выявляется устойчивая музыкально-песенная структура, сочетающая в себе два ритмических типа — плясовой в запеве и слоговый в припеве. В зачине у мелодии спокойное поступенное направление в пределах кварты. Припев гораздо более подвижен и энергичен в ладовом отношении, построен на терцовых и кварто-квинтовых скачках. Исследователь Н. В. Винокурова приводит примеры «Виноградий» (среднеколымское и походское), записанных от старожилов Колымы [Винокурова 2014, 29–32], в которых обнаруживается специфическая вариативность с октавными

либо квартовыми скачками в зачине, с четырехзвучными распевами и ладовой переменностью.

О манере пения русских старожилов сохранилось немало сведений. Так, В. М. Зензинов пишет: «...песни поются очень своеобразно — тягуче и проголосно. Ничего общего с якутским горловым пением они не имеют, также совершенно непохожи по манере пения и на те визгливые и разухабистые частушки, которые горланит современная русская деревня! Вначале кажутся лишенными всякого мотива, но певец за каждой песней строго сохраняет свой характер пения» [Зензинов 2013, 117]. Похожее высказывание встречаем в описании Н. А. Габышева, участника Индигирской этнографической экспедиции (1946): «Певец начинал петь заунывным горлом, растягивая гласные, а между словами вставлял «и-ы-э-у», не прерывая мелодию, очень тягучую, тяжелую, горловую мелодию... Песня такая напоминала вой ветра за стеной. Поэтому под такой горловой мотив можно было исполнять любую песню» [Кляус, Супруга 2006, 40].

Наши наблюдения подтверждают вышеизложенные мысли исследователей. Действительно, песни, услышанные нами от информантов, исполнялись в спокойной, неспешной манере, и даже в плясовых напевах присутствовали бойкость и неторопливость одновременно.

Совершенно контрастное мнение о манере исполнения эпических повествований «индигирцев» Н. К. Рожиной и Е. С. Киселевой встречаем у музыковеда Т. С. Шенталинской, которая отметила следующие особенности: «...специфичные приемы мелодической декламации (отречитатива на одном звуке до размашистых возгласов), яркие ораторские зачины

и “кружение” в пределах повторяющейся мелодической ячейки, импровизационная раскрепощенность от ритмической “заданности” стиховой структуры и артистический темперамент певца-рассказчика, проявляющийся в ускорении темпа, интонационных повышении и крещендо в кульминационных эпизодах драматического повествования» [Русская эпическая поэзия 1991, 51]. В связи с отсутствием в наших экспедиционных материалах записей эпических жанров подтвердить высказывание исследователя в настоящее время затруднительно.

Таким образом, музыкальный фольклор русскоустьинцев Аллаиховского района Якутии включает в себя два интонационных слоя из предложенных в концепции «звучащего ландшафта Арктики»: 1) слой интонационного взаимодействия с природой; 2) слой, связанный с проецированием общественного и личного в человеке вовне. Звучащий ландшафт раскрывается прежде всего: 1) в многочисленных исторических песнях, уникальная сохранность которых объясняется удаленностью Русского Устья от города («глушь», во многом определяющая верность традициям), особенностями природного ландшафта (река, бескрайняя

тундра), способствующими эпическому мирозерцанию; 2) в лирических, плясовых песнях, частушках, которые являются своего рода субъективными интерпретациями культурного ландшафта (в них отражаются духовная культура, язык, природная среда); 3) в особой манере пения, спокойной, заунывной, без возгласов (здесь, несомненно, влияние природного ландшафта — тундра, холод и близость к Ледовитому океану); 4) в сохранившемся с XVI в. «шаркающем» («досельном») говоре, который связывает русскоустьинцев с северными русскими традициями и придает особый колорит исполнению.

Старожилы с. Русское Устье создали свой «островок» севернорусской культуры на территории Якутии. Неповторимый звучащий ландшафт этого места является ценным духовным ареалом в пространстве современной культуры. В качестве перспективы будущих исследований хотелось бы наметить проблему сравнения звучащего ландшафта арктических местностей, населенных русскими старожилами (на реках Колыма, Индигирка, Анадырь). Данные сравнительного исследования могут восполнить недостающие знания по звучащему ландшафту конкретных локусов.

Источники и материалы

Богораз 1901 — *Богораз В. Г.* Областной словарь колымско-русского наречия. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1901.

Богораз 1921 — *Богораз В. Г.* Новые задачи российской этнографии в полярных областях. Вып. 9. Пг.: Гос. изд-во, 1921. (Труды Северной научно-промысловой экспедиции).

Дорофеев 1989 — *Дорофеев Н. И.* Русские народные песни Забайкалья. Семейский распев. М.: Сов. композитор, 1989.

Дьяконова, Кардашевская 2014 — *Дьяконова В. Е., Кардашевская Л. И.* Реестр фонозаписей музыкально-этнографической экспедиции в Аллаиховский район. Якутск, 2014.

Зензинов 2013 — *Зензинов В. М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Якутск, 2013.

Кляус, Супруга 2006 — *Кляус В. Л., Супруга С. В.* Песенный фольклор русскоустьинцев Якутии и семейских Забайкалья: Матер. к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во Рег. открытого социально-го института, 2006.

ПМДиК 2014 — Полевые материалы В. Е. Дьяконовой, Л. И. Кардашевской.

Пропп 1963 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л.: Азбука-Аттикус, 1963.

Русская эпическая поэзия 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Русские старожилы Якутии 2011 — Русские старожилы Якутии // Информационный портал Русского географического общества. URL: <http://old.rgo.ru/2011/01/russkie-starozhily-yakutii/> (дата обращения: 19.11.2022).

Фольклор Русского Устья 1986 — Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1986.

Чичеров 1948 — *Чичеров В. И.* Русские колыдки и их типы // Советская этнография. 1948. № 2. С. 106–129.

Чичеров 1957 — *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков: (Очерки по истории нар. верований). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

Исследования

Андреева 2000 — *Андреева Е. Д.* Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры. М.: Институт наследия, 2000. С. 76–85.

- Веденин 2020 — *Веденин Ю. А.* Базовые принципы культурно-ландшафтного подхода к изучению и сохранению наследия // *Наследие и современность*. 2020. № 3 (2). С. 7–20.
- Веденин, Кулешова 2001 — *Веденин Ю. А., Кулешова М. Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2001. № 1. С. 7–14.
- Винокурова 2014 — *Винокурова Н. В.* Песенные традиции Колымы: (по материалам музыкально-этнографических экспедиций 2009–2012 гг.). Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014.
- Калуцков 2008 — *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии: Монография. М.: Новый хронограф, 2008.
- Каменецкая 1986 — *Каменецкая Р. В.* Русские старожилов в низовьях р. Индигирки // *Фольклор Русского Устья* / Отв. ред. С. Н. Азбелев, Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 337–356.
- Крехалева 2012 — *Крехалева Е. А.* Топология звукового ландшафта Русского Севера // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 12 (26): В 3 ч. Ч. II. С. 106–109.
- Кругляшова, Климова 1977 — *Кругляшова В. П., Климова О. А.* К истории изучения и бытования песни «Соловей кукушечку уговаривал» // *Фольклор Урала*. Вып. 3: Народно-песенное творчество. Свердловск: [Урал. гос. ун-т], 1977. С. 34–40.
- Кузьмичёва 1998а — *Кузьмичёва Ю. Г.* Русскоустыинцы — хранители русского фольклора // *Путь развития (Сайды суола)*. 1998. № 41 (2209). 29 мая.
- Кузьмичёва 1998б — *Кузьмичёва Ю. Г.* Русскоустыинцы — хранители русского фольклора // *Путь развития (Сайды суола)*. 1998. № 42 (2210). 2 июня.
- Чарина 2011 — *Чарина О. И.* Русские в устье Индигирки и Колымы // *Сокровища культуры Якутии*. М.: НИИ Центр, 2011. С. 356–361.
- Чарина 2012 — *Чарина О. И.* Сюжеты фольклорных произведений в записях Д. И. Меликова // *Живая старина*. 2012. № 2. С. 35–38.
- Чарина 2014 — *Чарина О. И.* Характер локальных особенностей фольклора русских старожилов севера Якутии и среднего Приленья // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 10 (2). С. 110–114.
- Чикачев 2007 — *Чикачев А. Г.* Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, 2007.
- Шейкин и др. 2016 — *Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э., Никифорова В. С.* Звучащий ландшафт Арктики // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 4. С. 30–44.
- Шейфер 1976 — *Шейфер М.* Исследования современного звукового ландшафта // *Курьер ЮНЕСКО*. 1976. № 12. С. 4–7.
- Шенталинская 2019 — *Шенталинская Т. С.* Андыльщина. Феномен колымского жанра-эндемика // *Русские арктические старожилов Якутии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. С. Е. Никитина*. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. С. 264–278.

© В. Е. Дьяконова, Л. И. Кардашевская, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дьяконова В. Е. <https://orcid.org/0000-0003-3470-5474>

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств: Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4; тел.: +7 (411) 234-44-60; email: agiki@mail.ru

Кардашевская Л. И. <https://orcid.org/0000-0001-5709-910X>

Кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств: Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4; тел.: +7 (411) 234-44-60; e-mail: kardmike@mail.ru

Soundscapes of Musical Folklore Among the Old-Timers of Russkoe Ustye

Varvara E. Dyakonova,

Liya I. Kardashevskaya

(Arctic State Institute of Culture and Arts:

4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, 677000, Russian Federation)

Summary. This article is an attempt to apply the notion of the Arctic soundscape to the musical folklore of representatives of a subethnic group of the Russian people — Russian old-timers living in the village of Russkoe Ustye in the Allaikovsky district of Yakutia. In particular, two intonational layers of the auditory landscape of the Arctic are analyzed. The first of them — the intonational interaction with nature — is represented in lyrical, dance songs and chastushki (ditties). Lyrical songs reveal intonational portraits of natural phenomena such as trees and rivers. Praise of a natural element — like a river — is presented in dance songs. The theme of cold weather also appears in lyrical songs and chastushki, thus revealing features not only of the auditory, but also of the cultural landscape. In interesting and rare examples of “andylschina” (lyrical song-dialogues between a young man and a girl), which appeared as a result of interethnic contacts with Yukaghirs, manifestations of the auditory landscape are associated with the use of diminutives (e.g., “bistranochka” [little minnow], “kamushek” [little rock or pebble]).

The second layer of the Arctic soundscape — the projection of social and individual features onto the outward person — preserves villagers’ memories of the cultural landscape of the metropolis, their distant homeland. It is expressed in disappearing epic songs; in surviving historical songs in which appear images-reminiscences of the events of the Russian conquest of Kazan in the sixteenth century; the Time of Troubles at the end of the sixteenth — early seventeenth century; and the eighteenth-century war with Sweden; etc., as well as in rare examples of calendar songs. It is necessary to note the special “shuffling” sound (the “primordial” dialect) of the Russo-Ustin people, which distinguishes the auditory landscape of Russkoe Ustye from the rest of the Arctic territory and makes it unique.

The article is based on the authors’ field materials recorded in 2014 as well as on the scholarly literature.

Key words: soundscape of the Arctic, Russkoe Ustye, Russian old residents, musical folklore, andylschina.

Received: January 24, 2023.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Smirnov D. V. (2023) *Zvuchashchie landschafty muzykal’nogo fol’klora starozhilov Russkogo Ust’ya* [Soundscapes of Musical Folklore Among the Old-Timers of Russkoe Ustye]. *Traditsionnaya kul’tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 31–44. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.003>

References

- Andreeva E. D.** (2000) *Zvukovoi landschaft kak real’nyi ob’ekt i issledovatel’skaya problema* [Soundscape as a Real Object and a Research Problem]. In: *Ekologiya kul’tury* [The Ecology of Culture]. Moscow: Institut naslediya. Pp. 76–85. In Russian.
- Charina O. I.** (2011) *Russkie v ust’e Indigirki i Kolymy* [Russians at the Mouth of the Indigirka (River) and Kolyma]. In: *Sokrovishcha kul’tury Yakutii* [Treasures of the Culture of Yakutia]. Moscow: NII Tsentr. Pp. 356–361. In Russian.
- Charina O. I.** (2012) *Syuzhety fol’klornykh proizvedenii v zapisyakh D. I. Melikova* [Plots of Folklore Works in the Notes of D. I. Melikov]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. 2012. No. 2. Pp. 35–38. In Russian.
- Charina O. I.** (2014) *Kharakter lokal’nykh osobennostei fol’klora russkikh starozhilov severa Yakutii i srednego Prilen’ya* [The Nature of Local Features of Folklore of Russian Old-Timers of Northern Yakutia and the Middle Lena]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat State University Bulletin]. 2014. No. 10 (2). Pp. 110–114. In Russian.
- Chikachev A. G.** (2007) *Russkie v Arktike: polyarnyi variant kul’tury: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russians in the Arctic: The Polar Variant of Culture: Historical and Ethnographic Essays]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.
- Kalutskov V. N.** (2008) *Landschaft v kul’turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi khronograf. In Russian.
- Kamenetskaya R. V.** (1986) *Russkie starozhily v nizov’yakh r. Indigirki* [Russian Old-Timers in the Lower Reaches of the Indigirka River]. In: *Fol’klor Russkogo Ust’ya* [The Folklore of Russkoe

Ustye]. Ed. by S.N. Azbelev, N.A. Meshcherskii. Leningrad: Nauka. Pp. 337–356. In Russian.

Krekhaleva E. A. (2012) Topologiya zvukovogo landshafta Russkogo Severa [The Topology of the Soundscape of the Russian North]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Juridical Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice]. 2012. No. 12 (26). Part. II. Pp. 106–109. In Russian.

Kruglyashova V. P., Klimova O. A. (1977) K istorii izucheniya i bytovaniya pesni “Solovei kukushechku ugovarival” [To the History of the Study and Existence of the Song “The Nightingale Persuaded the Cuckoo”]. In: *Fol'klor Urala. Iss. 3: Narodno-pesennoe tvorchestvo* [Folklore of the Urals. Iss. 3: Folk Song Creativity]. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 34–40. In Russian.

Kuzmicheva Yu. G. (1998a) Russkoust'intsy — khraniteli russkogo fol'klora [Residents of Russkoe Ustye — Preservers of Russian Folklore]. *Put' razvitiya (Saidyy suola)* [The Way of Development]. 1998. No. 41 (2209). May 29. In Russian.

Kuzmicheva Yu. G. (1998b) Russkoust'intsy — khraniteli russkogo fol'klora [Residents of Russkoe Ustye — Preservers of Russian Folklore]. *Put' razvitiya (Saidyy suola)* [The Way of Development]. 1998. No. 42 (2210). June 2. In Russian.

Sheifer M. (1976) Issledovaniya sovremenno-go zvukovogo landshafta [Studies of the Modern Soundscape]. *Kur'er YuNESKO* [UNESCO Courier]. 1976. No. 12. Pp. 4–7. In Russian.

Sheikin Yu. I., Dobzhanskaya O. E., Nikiforova V. S. (2016) Zvuchashchii landshaft Arktiki [The Soundscape of the Arctic]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2016. No. 4. Pp. 30–44. In Russian.

Shentalinskaya T. S. (2019) Andyl'shchina. Fenomen kolymского zhanra-endemika [Andyl'shchyna. The Phenomenon of the Kolyma Endemic Genre]. In: *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii* [Russian Arctic Old-Timers of Yakutia]. Ed. by S. E. Nikitina. Yakutsk: IGIPMNS SO RAN. Pp. 264–278. In Russian.

Vedenin Yu. A. (2020) Bazovye printsipy kul'turno-landshaftnogo podkhoda k izucheniyu i sokhraneniyyu naslediya [Basic Principles of the Cultural and Landscape Approach to the Study and Preservation of Tradition]. *Nasledie i sovremennost'* [Tradition and Modern Times]. 2020. No. 3 (2). Pp. 7–20. In Russian.

Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. (2001) Kul'turnyi landshaft kak ob'ekt kul'turnogo i prirodnogo naslediya [The Cultural Landscape as an Object of the Cultural and Natural Heritage]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Ser. geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2001. No. 1. Pp. 7–14. In Russian.

Vinokurova N. V. (2014) Pesennye traditsii Kolymy: (po materialam muzykal'no-etnograficheskikh ekspeditsii 2009–2012 gg.) [Song Traditions of Kolyma: (Based on the Materials of the Musical and Ethnographic Expeditions of 2009–2012)]. Yakutsk: RIO media-kholdinga. In Russian.

© V. E. Dyakonova, L. I. Kardashevskaya, 2023

ABOUT THE AUTHORS

Varvara E. Dyakonova <https://orcid.org/0000-0003-3470-5474>

E-mail: agiki@mail.ru

Tel.: +7 (411) 234-4460

4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

PhD in Arts, Associate Professor, Department of Art History, Arctic State Institute of Culture and Arts

Liya I. Kardashevskaya <https://orcid.org/0000-0001-5709-910X>

E-mail: kardmike@mail.ru

Tel.: +7 (411) 234-4460

4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

PhD in Arts, Senior Lecturer, Department of Art History, Arctic State Institute of Culture and Arts

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)